

Исторический журнал.  
1939, № 7. С.42-54

Веб-публикация: [Vive Liberta](http://vive-liberta.com), 2013  
наша библиотека  
<http://istmat.info/vive-liberta>

*Мария Аркадьевна Буковецкая*

**ВОЙНА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ  
ПРОТИВ КОНТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ**

В сокровищнице неопенимого опыта, которым Великая французская буржуазная революция обогатила все последующие революции—как буржуазные, так и пролетарские.—видное место занимает исторический опыт революционной войны французского народа против объединенных сил европейской реакции. Создание революционной армии, вышедшей из народа и показавшей миру высокие образцы подлинного патриотизма и беззаветной преданности революции, творческой инициативы и новой военной тактики, обеспечившей победу революции, представляет собой одну из самых бессмертных страниц этой революции.

Франция во время буржуазной революции XVIII века принуждена была бороться с целой коалицией европейских держав. Война, в которую вступила Франция в апреле 1792 года, тянулась почти непрерывно в продолжение всей революции, директории, консульства и империи Наполеона I и закончилась только вместе с крушением наполеоновской монархии. Но войны времен консульства и империи имели уже совершенно иной характер чем война 1792—1794 годов. Это были несправедливые, завоевательные войны за

утверждение гегемонии Франции на континенте Европы, тогда как война 1792—1794 годов была справедливой, освободительной войной—за оборону революционной Франции, против иностранных интервентов, которые угрожали уничтожением всех завоеваний буржуазной французской революции.

«Война 1792 года,—отмечает товарищ Сталин,— была династической войной неограниченных королей-крепостников против республиканской Франции, испугавшихся революционного пожара в последней. Целью войны было потушить этот пожар, восстановить во Франции старые порядки и тем гарантировать перепугавшихся королей от революционной заразы в их собственных государствах. Именно поэтому сражались так самоотверженно революционеры Франции с войсками королей»<sup>1</sup>.

1

Буржуазная французская революция была сильной угрозой всему феодально-мо-

<sup>1</sup> И. Сталин «На путях к Октябрю». СССР как статей, стр. 4. Гиз. 1925.

нархическому строю Западной Европы. Особенно опасались влияния французской революции на своих подданных австрийский император Леопольд II (родной брат французской королевы Марии-Антуанетты), прусский король Фридрих-Вильгельм II, Екатерина II и Павел I.

Уже с самого начала революции высшие придворные круги французской аристократии начали эмигрировать за границу вслед за обоими братьями короля, которые бежали первыми из революционной Франции. Вслед за высшей аристократией потянулись в эмиграцию и дворяне-помещики и офицеры королевской армии. Первые бежали в страхе перед аграрным крестьянским движением, офицеры же спасались от волны солдатских восстаний. Эмигранты появились при дворе австрийского императора, прусского короля и мелких германских князей. Они агитировали за «спасение Людовика XVI», брали оружие и уверяли всех, кто хотел их слушать, что французский народ стонет под игом «секты революционеров» и ждет иностранной помощи для восстановления «короля и церкви».

Центром роялистской эмиграции сделался город Кобленц. Здесь формировались военные отряды эмигрантов, целиком состоявшие из офицества. Они предназначались для вторжения во Францию. В августе 1791 года в саксонском городе Динльнице эмигранты добились свидания Леопольда II и Фридриха-Вильгельма и получили от этих монархов милостивое обещание помощи и содействия в осуществлении своих агрессивных планов против Франции.

Русская императрица Екатерина II и шведский король Густав III послали в Кобленц своих уполномоченных и обещали эмигрантам свое покровительство.

Французский король Людовик XVI и королева Мария-Антуанетта со своей стороны также умоляли европейских монархов о вооруженном вмешательстве в дела Франции. Официально изображая из себя «конституционного» короля и присягнув в верности Конституции 1791 года, король на деле тайно изменял Франции. «Австрийский комитет» — как называли кучку прежних придворных, группировавшихся вокруг Марии-Антуанетты, — деятельно подготовлял контрреволюционный переворот с помощью французских эмигрантов, усиленно готовивших иностранную военную интервенцию.

Внешнее положение Франции обострялось с каждым месяцем. 7 февраля 1792 года Леопольд II заключил военный и оборонительный союз с прусским королем; союз этот, активно поддержанный царской

Россией, был прямо направлен против Франции. Вскоре после этого был сформирован особый австрийский корпус со специальным назначением помогать рейнским германским князьям в случае их столкновения с Францией.

Начало войны было ускорено жирондистами. Жирондисты надеялись, что война отвлечет преимущественно трудящиеся массы от требований дальнейших социальных реформ, от борьбы против дороговизны и от продовольственных бунтов и даст им — жирондистам — возможность одержать окончательную победу над королем без помощи масс.<sup>1</sup> Но именно этот курс жирондистов на ликвидацию революционной активности масс и на недопущение дальнейшего развития революции вглубь был на руку королю и монархии. Отражая интересы крупной буржуазии торгово-промышленных городов, главным образом юга и югозапада Франции, жирондисты хотели войны также и потому, что стремились к расширению внешнего французского рынка, к экономическому господству Франции на континенте, к оттеснению своего главного конкурента на мировом рынке — Англии, — к всемерному расширению всех экономических возможностей, которые сулил им новый буржуазный порядок. Однако своей агитацией за войну жирондисты одновременно отражали справедливый гнев и патристический подъем всего французского народа против подготавливавшейся иноземной интервенции. Ораторы-жирондисты произносили смелые речи, призывавшие к войне. Депутаты: Верньо, Гаде, Бриссо — облекали свои речи в форму горячих патристических призывов.

Для широких народных масс Франции война с Австрией, Пруссией, немецкими князьями и вооруженным эмигрантским отрядом была священной войной за завоевания революции. Народные массы горячо воспринимали лозунги жирондистов, которые говорили о том, что предстоящая война не будет похожа на прежние войны королевской Франции, что это будет: «Война тиранам — мир хижинам». «Война не против народов, а против королей и их наемных армий».

Но своей политикой наихбыстрейшего развязывания войны, за которой скрывались узко классовые цели торгово-промышленной буржуазии, жирондисты ослабляли обороноспособность Франции, ибо не давали народу ни времени на подготовку, ни указаний на те возможности, которые могли бы увеличить военную мощь страны.

Совершенно иной тактики придерживались представители немногочисленной крайней левой в Законодательном собра-

двор и враги революции рассчитывают на войну, чтобы снова полностью захватить власть в свои руки с другого конца... Он был против всякой завоевательной войны, зато он горячо превозносил «стихийный и спасительный взрыв негодования всего французского народа при нападении на его территорию»<sup>1</sup>.

20 апреля 1792 года Законодательное собрание Франции объявило войну Австрии. С этого момента Робеспьер и крайняя левая направили все свое внимание на то, чтобы разъяснить массам, что только мобилизация сил всего народа обеспечит Франции победу над внешним врагом. Робеспьер произнес речь, в которой указывал, что эта война должна вестись по-новому: «всеми силами народа», а не только прежней, наемной армией, унаследованной от старого режима. Эти установки якобинцы впоследствии воплотили в жизнь.

## 2

ни. Робеспьер, будущий вождь якобинцев, и другие предупреждали, что для ведения войны потребуется огромное напряжение народных сил. Робеспьер предостерегал массы против измены короля и дворянского командного состава, который все еще стоял во главе армии. Якобинцы призывали разгромить внутреннюю контрреволюцию, создать мощную революционную армию, укрепить обороноспособность страны и тогда двинуться против интервентов. Позиция Робеспьера и его сторонников была основана на стремлении мобилизовать французский народ на лучшую подготовку к войне, на борьбу с изменниками родины в тылу и на фронте.

Великий французский писатель Ромэн Роллан в своей статье «Вальми» так говорит о позиции Робеспьера:

«При внутренних наших спорах не раз пытались, да и сейчас еще пытаются, опорочить войну, начатую революционной Францией против европейских монархий, ссылкой на мнение Робеспьера. Он, действительно, восставал тогда против всеобщего увлечения. Но смысл занятой им позиции совершенно неказити. В большой речи, произнесенной 18 декабря 1791 года в обществе друзей конституции, Робеспьер никогда не говорил, что он противник войны. Он заявил только, что не следует объявлять ее «в настоящий момент» (он подчеркнул эти слова). Он считал, что нация недостаточно подготовлена; и, признавая, что неприятельское нашествие и стоящая под Кобленцем эмигрантская армия представляет собой смертельную опасность, он все же сказал: «Прежде чем устремиться на Кобленц, — приготовьтесь к войне». Он ясно видел, что французский

К моменту начала военных действий основную военную силу Франции составляла королевская армия. Офицерский состав был сплошь дворянским; высший командный состав заполнялся лицами из аристократии; значительная часть должностей, например должность полкового командира, покупалась за деньги и была пожизненной. Лица, получившие офицерский чин, должны были предварительно доказать свое дворянское происхождение.

Совершенно понятно, что, после того как революция уничтожила дворянство как привилегированное сословие, солдатская масса не могла мириться с царившими в армии порядками.

В течение 1789—1790 годов и в начале 1791 года непрерывно вспыхивали восстания солдат против дворянского офицерства, во время которых часть этого офицерства изгонялась, а на вакантные должности солдаты выбирали офицеров из своей среды, а также из незнатных молодых дворян. К началу войны ощущался большой недостаток в опытном командном составе. В тяжелом состоянии, плохо оборудованная и плохо снабженная всем необходимым для военных кампаний, регулярная армия, или, как ее тогда называли, «линейная армия», вступила в войну. Солдатская масса, несмотря на изменения в командном составе, питала глубокое недоверие к верхушке армии. Это недоверие было совершенно основательно, так как ряд измен доказывал, что в среде высше-

<sup>1</sup> Ромэн Роллан «Вальми». Журнал «Октябрь» № 3 за 1939 год, стр. 13—14.

го командного состава находилось немало лиц, замышлявших конгрессо-революционный переворот.

И Робеспьер и демократическая газета «Парижские революции» тотчас после объявления войны открыто выражали недоверие высшему командному составу. «Как мы будем вести войну против королей и дворян,— писала газета,— когда во главе нашей армии все еще стоят титулованные лица: граф Рошамбо, герцог Бирон, маркиз Лафайет и т. д.»<sup>1</sup>.

Наряду с регулярной армией к началу войны уже существовали батальоны добровольцев. Эти батальоны стали возникать еще до начала войны, они были действительным детищем революции; их снабжали и экипировали на свой счет департаменты Франции.

В добровольческих батальонах до полного слияния их с регулярной армией (оно произошло лишь в 1793 году) весь командный состав избирался самими добровольцами и пользовался доверием своих подчиненных.

К середине лета австро-пруссские войска начали наступление. Когда в Париже узнали о начавшемся наступлении неприятеля, взрыв патриотизма охватил все население города. Законодательное собрание издало постановление (11 июля), которое имело большое политическое значение; оно объявило: «Отечество в опасности!» В дополнительных постановлениях было указано, что каждый гражданин Франции, способный носить оружие, обязан явиться по первому требованию департаментских властей для борьбы с внешним врагом. Департаментским властям было предписано вести учет имеющегося в департаментах оружия. Этим декретом Законодательного собрания еще не вводилась всеобщая воинская повинность; войска попрежнему пополнялись добровольными наборами, но с момента объявления «Отечества в опасности» все граждане, имущие и неимущие, могли быть призваны для защиты родины, если это потребуется.

Австро-прусская коалиция, располагавшая для того времени большим количеством солдат, вела наступление вялыми темпами. Энгельс в своей работе — «Возможности и перспективы войны Священного Союза против Франции» — вскрыл причины вялости действий коалиции. «В августе 1792 г. во Францию вторглись 90 тысяч пруссаков и австрийцев. Король прусский был намерен идти прямо на Париж, герцог Брауншвейгский и австрийские генералы не соглашались. Единство командования отсутствовало; нерешитель-

ность сменялась быстрым движением вперед, планы все время менялись»<sup>2</sup>. Эта вялость и нерешительность давали время революционной Франции стягивать войска, организовывать пополнение, наскоро обучать батальоны добровольцев.

Трутящиеся массы убеждались с каждым днем в измене короля. Парижские городские секции, рабочие, ремесленники, беднота Парижа требовали свержения короля. К этому требованию присоединились и федераты — молодежь, прибывшая в Париж из разных департаментов Франции для добровольного вступления во вновь формируемые батальоны волонтеров.

Победа народной, демократической революции 10 августа 1792 года, свершая короля, создала возможности для организации революционной народной войны против интервентов. Весть о свержении монархии, уничтожении цензовой, буржуазной Конституции 1791 года была встречена в армии с величайшим восторгом.

К этому времени военная обстановка на фронте сложилась не в пользу Франции. 19 августа австро-пруссские войска перешли границу Франции. 20 августа они осадили крепость Лонгви, 30 августа — большую крепость Верден. 23 августа Лонгви сдался, 2 сентября пал Верден. Дорога на Париж была открыта для высшего врага.

Главкомандующий французской армией генерал Дюмурье (впоследствии изменник), стянув силы различных французских

<sup>1</sup> «Revolutions de Paris» № 147 за 1792 год.

<sup>2</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 448.

отрядов, преградил пруссакам путь у Вальми. Здесь 20 сентября произошло знаменитое сражение, в котором в первый раз за всю кампанию французы принудили пруссаков отступить. Революционный энтузиазм добровольческих батальонов решил исход боя. Знаменитая, прославленная своими прежними победами прусская пехота отступила перед плохо вооруженными революционными войсками.

Сражение при Вальми явилось переломным моментом для всей кампании. Об этой битве великий Гете сказал: «С этого дня, в этом месте началась новая эпоха всемирной истории».

В осенние месяцы 1792 года французские войска далеко продвинулись на иностранные территории. Наступление было направлено прежде всего на Бельгию, где население встречало французские войска как своих освободителей.

Вслед за решительной победой при Жемаппе, которая доставила ставу французскому оружию, был занят Намюр, затем вся Приморская Фландрия, Гент и Антверпен. В начале декабря 1792 года вся Бельгия была в руках французов. На Рейне генерал Кюстин занял ряд мелких германских княжеств и овладел без труда крупными городами: Шпейером, Вормсом и Майнцем. На юге французские войска вступили в Савою и Ниццу.

Французские войска далеко зашедшие на иностранные территории, были плохо

снабжены оружием, амуницией, обмундированием и нуждались в предметах первой необходимости.

В период с августа—сентября 1792 года и до июня 1793 года ответственность за организацию всего военного дела и оборону страны лежала на жирондистах, которые занимали первостепенное место в Конвенте, фактически назначали военных министров и руководили внешней политикой Франции.

Все снабжение армии находилось в ведении частных компаний, которых жирондистское министерство очень слабо контролировало. Из-за страшных лишений и небрежности в организации всего военного снабжения солдаты часто получали негодную обувь, у них в зимнюю пору не было шинелей, одеял, патаков, они спали на голой земле; не хваляло ружей, патронов<sup>1</sup>. Департаментские власти не получали своевременно субсидии из военного министерства и не имели возможности хорошо экипировать волонтерные батальоны, отправляющиеся на фронт<sup>2</sup>. Отсутствовала централизация управления армией: с одной стороны, Конвент издавал постановления и распоряжения, с другой — военное министерство.

<sup>1</sup> Carnot «Correspondance» Т II, апрель 1793 года.

<sup>2</sup> «Moniteur» Т XV Доклады комиссаров Конвенту, стр. 365—370.

Под натиском левой Конвента — монтаньяров — один военный министр за другим уходил в отставку, но система от этого не изменялась.

В то же время внешняя обстановка все более осложнялась. 1 февраля к враждебной против Франции коалиции присоединились Англия и Нидерланды. 7 марта Испания, 22 марта имперский сейм Германии объявили войну Франции от имени всей «Священной Римской империи и Германской нации».

Английское правительство встало во главе всех контрреволюционных замыслов подавления и уничтожения французской революции. Английский министр Питт был главной фигурой в реакционной борьбе Англии.

Крупная торговая и промышленная буржуазия Англии рассматривала укрепляющуюся у власти крупную французскую буржуазию как своего сильного и опасного конкурента. Английская аристократия и буржуазия видели для себя величайшую опасность в широкой волне демократического движения, поднимавшегося в Англии под влиянием французской революции.

С момента вступления Англии в контрреволюционную коалицию Франция имела перед собой сильного непримиримого противника, не сложившего оружия вплоть до Венского конгресса.

Английское правительство постоянно субсидировало все контрреволюционные заговоры во Франции, помогало тайным агентам эмиграции переправляться во Францию, раздувало контрреволюционное возмущение в Вандее и выступило с откры-

той интервенцией, захватив лучший военный и торговый порт Франции — Тулон.

Политика жирондистов в отношении войны носила все время двойственный характер. Ярые сторонники продолжения войны, они в то же время противились реорганизации армии, оставляли во главе ее множество лиц из прежнего высшего командного состава и не принимали мер для подавления контрреволюционных заговоров в тылу. Внутри страны жирондисты возбуждали против себя недоверие и негодование широких народных масс тем, что яростно защищали принципы свободной торговли и противились требованиям народных масс о введении твердых цен на предметы первой необходимости. Они оттолкнули от себя широкие массы крестьянства тем, что несколько не продвинули вперед разрешение аграрного вопроса. Во время острой опасности иностранной интервенции жирондисты не могли сплотить народные массы для борьбы с врагами родины и революции.

К весне 1793 года положение внутри страны осложнилось начавшимся контрреволюционным восстанием в Вандее. Монтаньяры во главе с Робеспьером справедливо обвиняли жирондистов в дезорганизации всего военного дела, в недостаточной борьбе против контрреволюции внутри страны, в двусмысленной позиции, занятой ими по вопросу о судьбе короля. Под влиянием обострившихся предвостановленных затруднений и страшной дороговизны парижские народные массы требовали решительных мер по борьбе со спекуляцией и установления твердых цен на предметы первой необходимости.

Жирондисты старались спасти свое положение блестящими военными успехами, они вывели план быстрого наступления французской армии и овладения всей Голландией. Но этот план потерпел крушение. Главнокомандующий французской армией генерал Дюмурье потерпел ряд поражений (март 1793 года) и, опасаясь суда Конвента, решил осуществить подготовленный им задолго перед этим контрреволюционный переворот. Он рассчитывал с помощью австрийцев и части французских войск двинуться на Париж, разогнать якобинцев и восстановить монархию, посадив на престол одного из родственников королевской семьи. Дюмурье потерпел полное поражение в своих предательских замыслах, так как во всей французской армии не нашлось ни одной части, которая согласилась бы на его план: французская армия была верна родине и революции.

Когда Дюмурье пыгался говорить с солдатами, чтобы склонить их на свою сторону, солдаты отказывались его слушать и кричали: «Республика или смерть!» Отправляясь на свидание с австрийским главнокомандующим, Дюмурье подвергся обстрелу со стороны волонтерского батальона, мимо стоянки которого он проезжал. Молодой командир Даву (будущий маршал Наполеона) приказал волонтерам стрелять по изменнику-главнокомандующему, что они с удовольствием и исполнили, но Дю-

мурье успел ускользнуть. Убедившись в том, что он не встретит поддержки во французской армии, Дюмурье бежал в австрийский лагерь с небольшой группой лиц из своего штаба.

Наротное восстание 31 мая—2 июня, во главе которого стояли парижские секции и революционная Парижская коммуна, имело своим результатом изгнание жирондистов из Конвента. Некоторые из них бежали и подняли с помощью роялистов контрреволюционное «федералистское» движение в целом ряде крупных торгово-промышленных городов Франции: Бордо, Тулузе, Ниме, Лионе, Марселе.

Летние месяцы 1793 года были самыми тяжелыми для молодой республики Лион, где началось контрреволюционное движение, призывавшее на помощь пьемонтцев. Контрреволюционный мятеж в Тулоне отдал в руки англичан этот лучший военный и торговый порт Франции. В Вандее разгоралось контрреволюционное движение. На внешних фронтах французы потеряли все свои прежние завоевания. Французские войска ушли из Бельгии, оставили Конде и Валансьен. На Рейне были потеряны Вормс и Шпейер. Пруссаки осадили Майнцкую крепость, где находился французский гарнизон. Началась героическая защита Майнца, которая длилась 4 месяца. Два комиссара Конвента: Реубель и Мерлен, находившиеся в Майнце, — деятельно ру-

ковити обороной и воодушевляли французский гарнизон. Мерлен за свою беспримерную храбрость был прозван пруссаками «огненным дьяволом». Когда в крепости не осталось буквально никаких съестных припасов и кончились боевые материалы, гарнизон капитулировал (23 июля 1793 года), выговорив себе право выйти из Майнца с боевыми знаменами и полным вооружением и увести с собой во Францию тех жителей Майнца, которые пожелают с ними идти.

Пять иностранных армий перешли границу Франции. Для спасения революции, для обороны Франции от внешней интервенции требовалось объединение всех народных сил вокруг единого революционного центра.

### 3

Франция была спасена диктатурой якобинцев, которые рассматривали дело организации обороны страны от внешней интервенции как важнейшую, центральную задачу революционного якобинского правительства.

Весь период существования диктатуры якобинцев революционная Франция вела войну против интервентов, и эта война рассматривалась как якобинским правительством, так и широкими народными массами как война справедливая и оборонительная, какой она и была на деле.

Энгельс указывает, что только после свержения жирондистов, с переходом власти в руки якобинского правительства, дело правильной организации военного дела было сдвинуто с мертвой точки.

«Конвент и предшествовавшее ему министерство 10-го августа имели, таким образом, достаточно времени, чтобы организовать сопротивление. С 10 августа 1792 года по март 1793 ничего, однако, не было сделано. В марте 1793 г. был произведен вышеупомянутый набор 300 000 человек; с этого момента и до следующего марта Конвент имел целый год времени и полную свободу для вооружения, в течение же 10 месяцев, т. е. с момента падения жирондистов, революционная партия имела руки совершенно развязанные»<sup>1</sup>.

Армия находилась в ведении якобинского Комитета общественного спасения. В Комитет вошли наиболее деятельные члены монтаньярского ядра Конвента: Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон, Колло д'Эрбуа. В августе 1793 года к ним присоединились Карно и Приер, оба — инженеры-специалисты. Все члены Комитета общественного спасения были в то же время членами

Конвента. Конвент утверждал распоряжения Комитета и давал общие директивы для исполнения.

Из сохранившейся и опубликованной переписки Карно видно, какую огромную работу выполнял Комитет общественного спасения в деле организации обороны страны. Карно переписывался с командующими армиями и с командирами отдельных частей, разрабатывал планы кампаний, рассматривал представления военного начальства о назначениях, передвижениях на военных должностях, заботился о политическом воспитании армии. Приер ведал главным образом продовольственным и техническим оборудованием армии.

Комитет общественного спасения направил свои усилия к изгнанию всех контрреволюционных и ненадежных элементов из среды командного состава армии. Тотчас после измены Дюмурье монтаньяры в Конvente настояли на отрешении от должностей целого ряда генералов, которые подозревались в сочувствии Дюмурье. После изгнания жирондистов из Конвента, в тяжелые напряженные летние месяцы гражданской войны, Комитет общественного спасения усиленно занимался очищением штабов от всех лиц, подозреваемых не только в измене, но и в вялом, равнодушном отношении к ведению войны<sup>2</sup>. Их успешно замечали молодыми силами, быстро выдвигавшимися во время войны.

Связующим звеном между армией, с одной стороны, и Комитетом общественного

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VIII, стр. 450.

<sup>2</sup> Carnot «Correspondance» 6 августа 1793 года



спасения и Конвентом — с другой, являлись комиссары Конвента. В период гражданской войны, с лета 1793 года и в течение всей якобинской диктатуры, «командированные в армию представители Нации», или «комиссары Конвента», играли огромную организационную и политическую роль. Они были наделены неограниченными полномочиями контроля по всем вопросам снабжения армии на местах, а также политического контроля над командным составом. В число комиссаров периодически входили наиболее деятельные члены Конвента, Барно и Приер, до включения их в состав Комитета общественного спасения, Сен-Жюст, Леба, Мерлен, Робеспьер-младший. Комиссары на местах следили за выполнением поставок на армию, реквизировали, если это было необходимо, у местного состоятельного населения с естественные продукты, обязывали муниципалитеты в принудительном порядке давать заказы на экстренное шитье мундиров, сапог, одеял, следили за расходованием полковых сумм и т. д.

Комиссары отчитывались перед Конвентом в своей деятельности после возвращения из командировок и постоянно поддерживали письменную связь с Комитетом общественного спасения. Часто комиссарам приходилось тут же на месте приводить в исполнение какое-либо мероприятие, не дожидаясь ответа Комитета. Комитет в большинстве случаев утверждал эти мероприятия. При широком содействии местных якобинских клубов комиссары деятельно работали над политическим воспитанием солдатской массы: они отправляли в армию газеты, опубликовывали прокламации, обращенные к армии, разъясняли солдатам цель предстоящего сражения и тактику, которая должна была применяться в том или другом случае. Вместе с командующими армиями они разрабатывали планы ближайшего наступления на неприятеля и участвовали сами непосредственно в сражениях.

История сохранила нам множество военных эпизодов, в которых комиссары Конвента были непосредственными участниками боев, а некоторые из них даже командовали отрядами войск. Два комиссара — Мерлен и Ревбель — непосредственно участвовали в героической защите осажденного в Майнне французского гарнизона; Сен-Жюст и Леба под огнем неприятеля принимали участие в операции перехода французской армии через Самбру; Барно непосредственно руководил операцией по освобождению Мобежа. Комиссары не щадили своих сил, для того чтобы вдохнуть энергию не только в ряды войск, но и в среду населения прифронтовой полосы. Сен-Жюст, Леба, Робеспьер-младший

энергично производили реквизиции на армию, были беспощадны в отношении тех, кто сопротивлялся этим реквизициям, и делали все от них зависящее, чтобы снабдить армию хотя бы самыми необходимыми вещами и поднять бодрость солдат в тех неимоверно трудных условиях, которые были созданы разрухой предшествующего периода.

Связью между местными демократическими элементами и революционным правительством являлись многочисленные филиалы якобинского клуба в провинции. Комиссары Конвента встречали огромную поддержку в этих клубах. Члены клубов помогали комиссарам реквизировать необходимые для армии вещи, боролись с местными контрреволюционными элементами, распространяли в армии парижские якобинские газеты. Парижский якобинский клуб посылал в армию особый бюллетень, через который армия осведомлялась о политических событиях внутри страны и о положении на всех фронтах. Якобинские клубы вели борьбу с контрреволюционными элементами высшего командного состава<sup>1</sup>.

Якобинское правительство деятельно занималось политическим воспитанием армии. Когда была опубликована якобинская конституция 1793 года, армия была привлечена наряду со всеми гражданами к обсуждению этой конституции. В переписке Барно мы находим свидетельство о том, что конституция обсуждалась и принималась во многих войсковых частях<sup>2</sup>.

Якобинское правительство принимало энергичные меры для увеличения состава армии.

12 августа 1793 года Барер от имени Комитета общественного спасения предложил Конвенту опубликовать обращение ко всему населению Франции с призывом встать всем поголовно на защиту отечества. Это предложение было встречено массами с энтузиазмом.

Конвент опубликовал воззвание к гражданам Франции, начинавшееся словами: «К оружию, французы! К оружию! Встанем все поголовно, как один! Свобода зовет на защиту всех тех, кто клялся быть ей верным!»

23 августа 1793 года был издан декрет Конвента о «Всенародном ополчении (la levée en masse)». Значение этого постановления революционного правительства было огромно. Франция перешла от добровольной армии к обязательной военной повинности. Военская повинность вводи-

<sup>1</sup> См. заседание якобинского парижского клуба от января — февраля 1793 года, Aulard «La Société des Jacobins» t. IV.

<sup>2</sup> Carnot «Correspondance». Т. II, стр. 395 etc.

лась только на время войны, но «до тех пор, пока враг не будет изгнан с территории Французской республики», было сказано в декрете. «Все граждане Франции, способные носить оружие, находятся в состоянии мобилизации» (реквизиции, как тогда говорили; отсюда название «реквизиционист» — для призванного августа 1793 года). Никто из призванных не имел права заменять себя другим лицом. В первую очередь были призваны молодые люди от 18 до 25-летнего возраста, притом неженатые и бездетные вдовцы. Последующие «реквизиции» повысили возраст призванных. Первая «реквизиция» прошла с огромным подъемом и дала 450 тысяч бойцов. Уклонявшихся от призыва во «Всенародное ополчение» было ничтожно малое количество. Франция могла «в начале 1794 г. выставить против коалиции примерно 750 000 чел., т. е. значительно больше, чем сама коалиция могла двинуть против Франции»<sup>1</sup>, — отмечал Энгельс.

Крупным мероприятием Конвента по организации военных сил Франции было проведение так называемой «амальгамы», т. е. полного слияния волонтерных батальонов призыва 1792—1793 годов и прежних «линейных войск»<sup>2</sup>.

Мера эта была продиктована жизнью,

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VIII, стр. 449

<sup>2</sup> «Moniteur». Заседание 12 августа 1793 года.

и ее давно требовали комиссары Конвента и военное командование. Прежняя армия давно перестала быть «королевской» армией и вместе с волонтерными батальонами составляла революционную армию Франции. В сливаемые части входили и «реквизиционисты», призываемые по декрету о «Всенародном ополчении». Слияние это обыкновенно происходило следующим образом: один батальон «линейных войск» сливался с двумя батальонами волонтеров призыва 1792 или 1793 года или же с новыми «реквизиционистами». Полученная таким образом новая боевая единица составляла «полубригаду». Более крупной боевой единицей являлась дивизия, в состав которой входили артиллерия, кавалерия и пехота. Все остатки прежних военных форм, напоминавшие старый режим, были уничтожены. Вся армия была одета в синие мундиры, которые сначала носили только волонтеры, называвшие себя «синими» в отличие от «белых» — солдат «линейных войск».

Французская армия в период революции выработала и усвоила новую тактику. «Как внутри страны французский революционный народ тогда впервые проявил непламенный в течение столетий максимум революционной энергии, так и в войне конца XVIII века он проявил такое же гигантское революционное творчество, пересоздав всю систему стратегии, порвав все старые законы и обычаи войны и создав,

вместо старых войск, новое, революционное, народное войско и новое ведение войны»<sup>1</sup>. О сущности и значении этой новой военной тактики Энгельс писал: «Сразу был вновь открыт великий факт, что для исхода боя важно не то, сражается ли батальон на «правильном» месте в боевом строю, а то, чтобы он вступал по приказанию в боевую линию и хорошо сражался... Боевая линия не должна была быть, как прежде, обязательно прямой и непрерывной; она могла изгибаться по всем направлениям, как того требовала местность, так как теперь не выбирали больше обгаженных гладких равнин для поля сражения... Французы предпочитали пересеченную местность, и их стрелки, образуя цепь впереди всей боевой линии, устремлялись в каждую деревушку, ферму или рощицу, которой они могли овладеть. Если батальоны первой линии развергались, то обычно они скоро превращались в стрелковые цепи; батальоны же второй линии всегда оставались в колоннах и обыкновенно с большим успехом атакывали в таком строю тонкие линии противника»<sup>2</sup>.

Прусская и австрийская пехота не выдерживала бурного натиска полных энтузиазма французских пехотинцев, которые кидались в штыковой бой, распевая «Марсельезу», сделавшуюся национальным (а потом и интернациональным) революционным гимном, или веселую песенку «*Ça ira*» — «Наша возьмет», — направленную против аристократии и королей.

Особенно отличались своими боевыми качествами французская артиллерия и инженерные (саперные) войска. Еще до революции французская артиллерия и саперные части считались, по отзывам военных специалистов, лучшими в Европе<sup>3</sup>. Французская артиллерия проявила себя прекрасно во множестве сражений с войсками коалиции и сыграла огромную роль во время взятия французами Тулона, занятого англичанами. (Артиллерией под Тулоном командовал молодой офицер Наполеон Бонапарт.)

Французская революционная армия отличалась еще одним качеством, которое удивляло ее противников, а именно: необыкновенной быстротой передвижения благодаря полному отсутствию обозов. В то время как за армиями коалиции тащились по отвратительным дорогам громоздкие обозы, французы шли, имея при себе только ранцы, оружие и, в лучшем

случае, шинели. Это обеспечивало быстроту передвижения французской армии. «Французы, — писал Энгельс, — достигли подвижности и легкости при построении боевого порядка, совершенно неизвестных их противникам. Потерпев поражение, они через несколько часов были вне преследования, при наступлении же могли появляться в неожиданных пунктах на флангах противника, прежде чем тот мог их заметить»<sup>4</sup>.

В тяжелые месяцы гражданской войны 1793 года и в течение 1794 года Конвент и Комитет общественного спасения употребляли огромную энергию, для того чтобы достать необходимое снабжение и вооружение для армии.

В Париже в несколько недель был создан большой ружейный завод. Продукция его в скором времени начала давать втрое больше, чем давали старые заводы Сент-Этьена, Шарлевиля и Мобежа. Кроме того в Париже более 200 кузниц было приспособлено для вспомогательных работ на оборону. Революционное правительство мобилизовало рабочих — металлистов частных мастерских, обучало их на большом заводе Шарлевиля и затем отправляло на ружейные и пушечные заводы. Дома безавших аристократов и многочисленные монастырские помещения были заняты под военные склады и магазины. Ученые — знаменитый математик и основатель высшей политической школы Монж и химик Бертоле — включились в работу на оборону страны, писали технические инструкции для военных заводов, выполняли поручения Комитета общественного спасения по техническому выполнению литья пушек и ядер.

Огромные усилия, которые тратило революционное правительство якобинцев и весь французский народ для отражения иностранной интервенции, увенчались полным успехом. В сентябре и октябре 1793 года французская армия одержала ряд побед. Эльзасская граница была очищена от неприятеля. Молодой генерал Гомб динулся для освобождения Ландау и 23 декабря 1793 года разбил австрийцев в решительной битве при Вейсенбурге. Командующий северной армией Гушар одержал победу при Гондшооте. Заменявший его Журдан спас 15 октября осажденный Мобеж и разбил неприятеля при Ваттини.

Война велась в неимоверно трудных условиях для французской армии. В холодную зиму 1793—1794 годов. В ноябре 1793 года генерал Журдан писал Комитету общественного спасения, что солдаты его армии заворачивают ноги в солому и

<sup>1</sup> В. И. Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 334.

<sup>2</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XI. Ч. 2-я, стр. 157, 488.

<sup>3</sup> Там же, стр. 491.

<sup>4</sup> Там же, стр. 488.

в таком виде совершают переходы среди осенней грязи и распутицы<sup>1</sup>.

В мае и июне 1794 года арденнская французская армия переправилась через Самбру с целью прорвать австрийскую линию. Леба и Сен-Жюст, посланные Конвентом в качестве комиссаров, руководили переправой французской армии под огнем неприятеля. В июне 1794 года Журдан нанес решительное поражение австрийцам при Флерюссе. После этого ряд крепостей перешел в руки французов. Генерал Пишегрю двинулся через Гент и Брюгге на Брюссель и соединился с Журданом. В июле — августе 1794 года вся Бельгия была опять в руках французов. Затем были заняты Кельн, Кобленц (где в 1791—1792 годах эмигранты устроили свой королевский двор и грозили раздавить французскую республику), затем Майнц и Трир. На южной границе французская армия победила пьемонтцев. Интервенты были далеко отброшены от границ Франции, и революционные войска победоносно продвигались на чужие территории.

На море французскому флоту пришлось столкнуться с таким грозным противником, как сильнейший в то время в мире английский флот. Против 115 крупных английских военных кораблей французы имели только 76. Французский флот не мог вызвать английский на открытый

бой, но во время происходивших столкновений французы проявляли отчаянную смелость, поражавшую англичан.

История сохранила множество эпизодов этой героической борьбы, из которых один наиболее характерен для того революционного энтузиазма, которым были охвачены французские моряки. В мае 1794 года большой транспорт зерна был отправлен из Соединенных штатов в Брест, где его ждали с нетерпением. Французская эскадра вышла ему навстречу, для того чтобы защитить его от нападения английского флота. На адмиральском корабле находился комиссар Конвента Жанбон Сент-Этьен. Французский флот столкнулся с английским и, прикрывая собою торговый транспорт, вступил в неравный и отчаянный бой. Французские корабли потерпели значительный урон. Один из французских кораблей «Vengeur» («Мститель»), пробитый со всех сторон английскими ядрами, бился отчаянно против трех английских кораблей. Экипаж не хотел сдаваться, несмотря на предложение англичан. Последний залп из пушек был дан «Мстителем», когда корабль уже погружался в воду. Команда потонула вместе с кораблем, оглашая воздух криками: «Да здравствует Республика, да здравствует свобода, да здравствует Франция!» Транспорт с зерном благополучно прибыл в Брест.

Огромные изменения произошли в командном составе армии. Взамен командиров старой армии, перешедших на сторону

<sup>1</sup> Carnot «Correspondance». Т. IV, 16 ноября 1793 года.

революции, но не сумевших усвоить ни нового характера войны, ни духа новой, революционной армии, быстро выдвигались новые талантливые люди из народа, из мелкой буржуазии, люди, которым в старой, королевской армии был закрыт доступ к командным должностям. Многие из них во время революционных войн стали в возрасте от 24 до 30 лет генералами. Многие командовали дивизиями в 22—25 лет.

За крупными военными талантами, выдвинувшимися в этот период, стояли тысячи безвестных героев, которые делали свое трудное дело.

\* \* \*

Сыны свободолюбивого французского народа показали миру пример величайшего героизма и самоотверженности. В жестоких и упорных боях они отстаивали родину и революцию от объединенных полчищ европейской реакции.

«Весь народ и в особенности массы, т. е. угнетенные классы, были охвачены безграничным революционным энтузиазмом: войну все считали справедливой, оборонительной, и она была на деле таковой. Революционная Франция оборонялась от реакционно-монархической Европы»<sup>1</sup>, — писал Ленин.

В своем блестящем очерке «Вальми» Ромэн Роллан напомнил недавно французскому народу об его доблестной, героической борьбе с интервентами в гола Великой буржуазной революции. «Потомки революции, вы, нынешнее поколение, способны ли вы еще, без смущения и страха, слушать героические отзвуки канонады Вальми?» — спрашивает Ромэн Роллан.

Эти слова великого писателя звучат как грозное обличение современной реакционной французской буржуазии и горячим призывом ко всему антифашистскому фронту.

Объятый паническим страхом перед приближающейся пролетарской революцией, французский империализм строит свою внешнюю политику на гнилом принципе пособничества агрессорам фашистской

Германии, злейшим врагам французского народа.

Только героический французский пролетариат во главе всего народа, предки которого с величайшим энтузиазмом отстаивали целостность и независимость Франции в неравной, тяжелой борьбе против объединенных полчищ европейской реакции, является подлинным преемником великих героических традиций буржуазной революции конца XVIII века и ее справедливых, оборонительных войн. В эпоху империализма и пролетарских революций французский пролетариат, обогащенный опытом Великой Октябрьской социалистической революции и ее борьбой против иностранной интервенции, великими уроками революционных классовых боев послеоктябрьского периода в ряде стран, подымает эти традиции на высшую ступень.

Под руководством коммунистической партии, во главе с революционным пролетариатом великий свободолюбивый французский народ очистит почву Франции от всех тех, кто от Бурбонов и Тьера до нынешних кагуляров и мюнхенцев всегда были готовы предать народ и родину чужеземным завоевателям.

В дни стапятидесятилетнего юбилея Великой буржуазной революции на весь мир снова прозвучат слова тов. Тореа из его речи на VII конгрессе Коминтерна: «Мы превозносим память Коммуны 1793 г. и Парижской Коммуны 1871 г. Шовинизму фашистов и патриотизму торговцев пушками мы противопоставляем любовь к нашей родине, к нашему народу. Мы гордимся его славным прошлым, его вековой борьбой против рабства и гнета. И мы, правнуки санкюлотов 1792 г., солдат Вальми, отказываем аристократам, последним кобленцких эмигрантов, вернувшимся во Францию в обозе иностранной контрреволюции, полковнику графу де ля Рок, — прадед которого сражался в армии Конде и прусского короля, — в праве говорить от имени нашей страны. Мы их разоблачаем, как вчерашних и завтрашних предателей, готовых, как некогда их прадеды, а в наше время русские белогвардейцы, обратить оружие против своей родины, лишь бы сохранить или вернуть свои привилегии и свои прибыли».

<sup>1</sup> В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 190.